
АРТЁМ ЕМЕЛЬЯНЦЕВ
КРАСНАЯ СИЛА
25-й ДИВИЗИИ
25
СТРЕЛКОВАЯ
ДИВИЗИЯ
ИМПЕРИЯ ПРИШЛА ПОКОРЯТЬ ЗЕМЛЮ.
ЗЕМЛЯ ВЫСТАВИЛА ЧАПАЕВА.

Артем Емельянцев

Красная сила

«Автор»
2026

Емельянцев А.

Красная сила / А. Емельянцев — «Автор», 2026

1919 год. На бахчу под Лбищенском падает Дарт Вейдер, а в Чапаеве просыпается Красная Сила. Магистр Йода становится почётным политруком, белые и красные мирятся у одного костра, а Империи предстоит узнать, что такое восьмичасовой рабочий день.

© Емельянцев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Из пустоты в полынь 5
Глава 1. Гость с бахчи 8
Глава 2. Почетный политрук 25-й дивизии 16
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Артем Емельянцев
Красная сила

Пролог. Из пустоты в полынь

На самом краю Внешнего Кольца, там, где меркло последнее свечение исследованных трасс, лежали Неизведанные Регионы.

Тяжелый офицерский шаттл типа «Лямбда» с наглухо закрытыми обзорными экранами шел через разреженную пылевую туманность на форсированной субсветовой тяге. На борту не было ни сменных пилотов, ни десантного отделения. Рейс не терпел свидетелей, а лучший пилот Галактики не нуждался в экипаже. О цели вылета знали лишь двое: Император и лорд Вейдер.

Вейдер лично инспектировал «Обсерваторию-Ноль» — автоматический форпост, закамуфлированный под астероид. Станция входила в тайную сеть Палпатина, которая непрерывно сканировала пустоту за границей изведанного космоса в поисках древнего источника Силы. Форпост оказался цел, но передатчик его выжгло тем самым всплеском, после которого он замолчал. Вейдер снял данные с гравиметрических датчиков и изъял кристаллические накопители с расчетами гравитационных разломов, не внесенными ни в одну навигационную базу Империи.

В тесной рубке стояла абсолютная тишина, если не считать размеренного кхх-пшш, кхх-пшш системы жизнеобеспечения бронекостюма, отдававшегося в металле переборок. Темный лорд сидел в центральном ложементе, и пальцы в черной перчатке неподвижно лежали на контроллерах тяги.

Вейдер думал о том, как все началось: с тихого голоса на Корусанте, в зале, где даже эхо старалось говорить шепотом.

— Эти разломы, мой ученик, — сказал тогда Палпатин, не отрываясь от окна. — «Обсерватория-Ноль» слушала их три года. Месяц назад она записала всплеск и замолчала. Что-то зовет из-за края Галактики, и я хочу знать, что именно, прежде чем оно позовет кого-нибудь еще. Привези мне ее записи.

— А если там ничего нет, повелитель?

— Тогда привезешь доклад о том, почему там ничего нет.

— А если я не вернусь?

— Тогда я найду другого. — Император наконец повернул капюшон. — В прошлый раз это не заняло много времени.

Вейдер поклонился. Это был давно отработанный жест: колено, шлем, пауза. Он проделывал его столько раз, что не помнил, когда в последний раз выпрямлялся без позволения.

Мысль была неуместной, и он отогнал ее. Но она осталась, как заноза под броней.

Шаттл уже лег на обратный курс, когда пространство впереди содрогнулось.

Сила сжалась в ледяной узел. Сквозь нее прокатилась режущая волна, и в разуме Вейдера вспыхнула боль. Сама ткань пространства дала трещину. Расчеты Императора о блуждающих разломах материализовались на глазах его ученика.

Консоли взвыли зуммерами. Рубку залило красным аварийным светом. Датчики гравитационного градиента зашкалили.

Из ничего проявилась слепящая точка. Блуждающий микроколлапсар пропорол пустоту, как игла. Размером он был с горошину, а весил как звезда, и пространство вокруг него сминалось в узкую воронку.

Гравитационный вал обрушился на шаттл и выжег дефлекторы.

— Вектор перегрузки критический. Разрыв пространственного континуума, — бесстрастно отчеканил бортовой компьютер.

Вейдер рванул рукояти на себя, пытаясь уйти по касательной, но микроколлапсар уже оборвал навигационные лучи и затянул судно в искривленный рукав. Корпус застонал под нагрузкой. По кабельным трассам полоснули замыкания, реле одно за другим отсекали перегруженные шины.

Впечатанный перегрузкой в ложемент, Вейдер вскинул руку. Мощью Темной стороны он удержал транспаристил и переборки, заменив вышедшие из строя инерциальные гасители. Но обратный ток выжег основной контур гипердвигателя, сенсоры отказали, и челнок швырнуло в туннель прокола, за пределы родной галактики.

Потом наступила пустота.

— Отказ маршевых двигателей. Навигационная база недоступна, — донес сквозь шипение дыхательного аппарата надтреснутый голос бортового компьютера.

Рубка плавала в сером дыму горелой изоляции. Главная панель была мертва, и лишь резервный оранжевый контур тускло освещал переборки. Перегрузка отпустила.

Корабль выбросило к верхней границе атмосферы чужой планеты, в изолированной системе с единственным желтым солнцем. Уцелевшие сенсоры не находили ни маяков Голонета, ни имперских ретрансляторов. Точка прокола уже начинала схлопываться.

Вейдер действовал на опережение. Из хвостового пилона отстрелился автономный гиперпространственный маяк-стабилизатор, развернул резонансные излучатели и заякорился у края разлома, удерживая горловину сфокусированным полем: единственную дорогу домой нельзя было потерять.

А под носом падающего челнока уже разворачивался огромный лазурный шар.

Планета была живой: синие океаны, коричнево-зеленые массивы суши, тонкие вихри циклонов. Гравитационный колодец чужого мира подмял поврежденную машину.

— Внимание. Траектория спуска за пределами расчетного коридора. Угол входа недопустим, — монотонно сообщил компьютер.

— Вероятность благополучной посадки составляет ноль целых три десятых процента, — добавил он. — Рекомендую катапультирование.

— Я не катапультируюсь.

— Вероятность выживания при катапультировании составляет четыре процента.

— Нет.

Компьютер помолчал, как молчат машины, привыкшие к своему хозяину.

— Принято, милорд. Причину записываю как «отказ пилота».

Вейдер перехватил деформированные рукояти. За транспаристилем взревело рыжее пламя, чужой воздух тормозил корабль, и корпус трясло, как канонерку под зенитным огнем Джеонозиса.

Падение было почти знакомым. В девять лет он вел по каньонам Татуина машину, которую не мог вести никто, и тоже летел на пределе, и тоже не успевал испугаться. Тогда ему аплодировали. Он давно запретил себе вспоминать, чем кончился тот вечер.

Отсекая хаос за стеклом, ситх потянулся Силой. Навигация не работала, но сквозь атмосферу в его сознание ударил резонанс, какого он не встречал никогда. В глубине континента горел красный очаг. Это был не джедайский Свет и не холодная Тьма ситхов, а первобытный шторм: воля миллионов, спаянных верой и войной. Эпицентр пульсировал в излучине широкой степной реки. Вот что звало из-за края Галактики.

Вейдер нащупал ориентир. Слившись с управлением через Силу, он довернул рули, сбил штопор и повел объятый пламенем челнок в пологий спуск прямо к источнику возмущения.

Огненный шлейф прошил облака и вышел в полуденный зной. Внизу лежала рыжевато-бурая степь, рассеченная желтоватой лентой реки. Ни стартовых шахт, ни посадочных площадок, только дикая ширь, марево над горизонтом и пыльные колеи.

Маневровые сопла чихнули в последний раз и заглохли.

Включив аварийный реверс, Вейдер сбил скорость. Шаттл снес глинистый гребень холма, проломил заросли жесткого кустарника и выскочил на ровное поле, усеянное крупными полосатыми плодами. В момент касания, когда остаточная тяга репульсоров приняла вес машины, ситх Силой расклинил заевшие направляющие. Сервоприводы натужно загудели, крылья сложились вверх в посадочную конфигурацию и уцелели. Усиленные посадочные опоры пропахали борозду поперек песчаного поля и подняли к небу клубы желтой пыли. Белый закопченный звездолет замер, и над ним долго шипел остывающий на сухом ветру металл.

В тишине мерно щелкнули клапаны жизнеобеспечения.

Через комлинк шлема Вейдер приказал бортовому компьютеру начать экстренную калибровку резервного контура гипердвигателя. Затем он опустил трап и медленно сошел на землю.

Черный плащ тяжело колыхнулся. Степной зной ударил в броню. Датчики шлема уловили запах выжженных трав, речного ила и приторно-сладкий аромат десятков крупных плодов, раздавленных кораблем и истекавших алым соком. В сухих травах звенели насекомые.

У подножия трапа Вейдер замер. На твердой земле ментальный океан, пойманный с орбиты, ощущался почти физически: слепая вера дрожала в горячем воздухе и сгущалась совсем близко, за оврагом.

Тишину прервал металлический щелчок на бугре.

В полукилометре, в наскоро отрытой траншее на краю оврага, трое дозорных в выцветших рубахах судорожно разворачивали колесную установку с длинным стволом в кожухе. Заметив черную громаду у трапа, один из них в панике потянулся к спусковому рычагу. Вейдер даже не шелохнулся. Лишь пальцы в черной перчатке дрогнули, и Сила со скрежетом согнула ствол вместе с кожухом охлаждения в дугу еще до первого выстрела. Замок заклинило намертво.

Остолбеневшие дозорные бросили патронные коробки и кубарем скатились с бугра, поднимая пыль, к глинобитным стенам и камышовым крышам городка.

Лорд ситхов проводил их холодным взглядом и повернул маску к востоку, где над холмами поднимались дымы чужих бивуаков. Император ждал доклада. Вейдер впервые поймал себя на том, что еще не решил, сколько правды в нем будет.

Бортовой компьютер отсчитывал минуты до конца калибровки. Из-за оврага уже доносился топот множества копыт, и рука Вейдера легла на рукоять светового меча.

Глава 1. Гость с бахчи

Двадцатые числа августа 1919 года. Красная армия рвалась к Уральску, и 25-я стрелковая дивизия, оторвавшись от тылов на десятки верст, оставила свой штаб в Лбищенске почти без прикрытия.

Жара в тот день стояла плотная, неподвижная, пахнущая сухой глиной, конским потом и нагретыми арбузными корками.

Штаб, разместившийся в бывшем купеческом доме с побеленными стенами и резными ставнями, плавился от зноя. Сквозняк едва шевелил углы трехверстки Уральской области на дубовом столе. Окна выходили на базарную площадь, где у коновязей лениво отмахивались от слепней заморенные ординарские кони.

Начальник дивизии Василий Иванович Чапаев сидел на венском стуле, расстегнув ворот выцветшей гимнастерки. Волосы на висках намокли, тонкие темные усы были сердито подкручены кверху. Перед ним стояла жестяная кружка с остывшим взваром. Он машинально крутил в пальцах латунную гильзу от трехлинейки и слушал доклад. Напротив, на краю лавки, комиссар дивизии Батурин, сдержанный партийный интеллигент из Иваново-Вознесенска, присланный усмирять партизанские замашки чапаевцев, нервно вытирал платком бритую шею и тыкал затупленным химическим карандашом в излучину Урала.

— Вот здесь они, Василий Иванович, — глухо бубнил Батурин, не отрывая взгляда от карты. — Пугачевская сотня известие привезла: под Сахарной казаки шалят. Не иначе передовой разъезд корпуса генерала Толстова. А у нас тылы оголены, склады боепитания в трех верстах, прикрытие — батальон выздоравливающих да курсанты…

— Брось панику разводить, Батурин, — Чапаев резко сдвинул кружку, плеснув взваром на стол. Голос у него был хриплый, с волжским озорным присвистом. — Казаки у него шалят. Казак от наших дозоров за версту шарахается. А выздоравливающие у меня все тифозные, их казак боится пуще пулемета. Ты лучше скажи, пароход с боезапасом когда прибудет? Чем артиллерию снабжать будем, коль беляк гаубицы подтянет?

Ответить Батурин не успел.

С улицы, перекрывая собачий лай и скрип колодезного журавля, донесся тяжелый нарастающий гул. Это не походило ни на залп батареи, ни на рев аэроплана «Фарман». Небо над городком содрогнулось от басовитого утробного рокота, в буфете зазвенели граненые стаканы, а с потолочной балки посыпалась известка. Лошади на площади враз захрипели и взвились на дыбы.

Чапаев вскочил первым. Рука сама, по привычке, легла на рукоять шашки в серебряной оправе.

— Это еще что за чертовщина?… — пробормотал Батурин и уронил карандаш на карту.

Они выбежали на деревянное крыльцо. На площади красноармейцы хватали трехлинейки из козел, кто-то держал под уздцы ошалевших коней, и все задирали головы к зениту.

Над поймой Урала полыхнуло. Из белесого марева, пробив облако, несся вниз огненный конус. Он шел по дуге, без винтов, с таким воем, что закладывало уши, и тянул за собой черный дым. Запахло паленым, как в кузне.

— Аэроплан? — хрипло выдохнул подбежавший ординарец Петька Исаев, вцепившись в кобуру нагана. В глазах горели азарт и испуг. — Английский, Василий Иванович? Аль антантовский «Де Хэвилленд» подбили?

— Какой к лешему аэроплан! — Чапаев прищурился из-под ладони. — Плавник на горбу в три человеческих роста, а крылья к земле опущены! И летит без винта, одним огнем ревет!

Огненный шар перевалил через обрыв, снес верхушку кургана и рухнул на бахчу за мельничным оврагом, в версте от окраины. Земля под сапогами вздрогнула. Столб желтой пыли с песком и ошметками карагача на миг заслонил солнце.

На площади стало тихо. Слышно было лишь, как у коновязей испуганно храпят кони.

— Тревога по гарнизону! — рявкнул Чапаев, перемахнув через перила. — Петька, коней! Взвод конной разведки — в седло! Батурин, перекрыть въезды в станицу! Живо!

Площадь пришла в движение. Застучали подковы, звякнуло железо, караульная рота рассыпалась по валу у въездных ворот. Пыльный смерч над оврагом оседал, сменяясь тонкой струей сизого дыма. Прошло минут пять деловой суеты. Разведчики уже сидели в седлах и оправляли ремни, у ворот разворачивалась пулеметная тачанка, а Петька подавал Василию Ивановичу поводья гнедого. Трофейный «форд» начдива третий день стоял без бензина, а седло со старой германской раной в пояснице Чапаев терпел из одного упрямства. Тут со стороны мельничного переулка послышался торопливый спотыкающийся топот.

На площадь, задыхаясь, выскочили двое бойцов из выносного дозора. Лица их были серыми от пыли и ужаса, гимнастерки промокли от пота насквозь. Третий, молодой волжский парень с пулеметной лентой через плечо, бежал последним и то и дело оглядывался, будто за ним по пятам гнался сам сатана.

— Товарищ начдив!… Василий Иванович!… — закричал первый и рухнул на колени перед крыльцом.

Чапаев, уже занесший ногу над стременем, шагнул к нему и жестко схватил за плечо:

— Отставить скулеж! Докладывай толком. Белые? Казачий налет? Где пулемет бросили, черти?!

Боец судорожно мотнул головой, тыча пальцем в сторону оседавшей за оврагом пыли:

— Не казаки, товарищ начдив… Сам лешак из огня вылез! В железо закован с ног до головы, весь в черном, рожа нечеловеческая, рылом железным дышит — кхх-пшш, кхх-пшш… Ей-богу! Гришка только к «Максимке» припал, а он рукой этак повел… и ствол у пулемета, слышь, в рог бараний скрутило! В дугу, Василий Иванович! Сами чудом утекли!…

— Какой еще лешак?! — Батурин побагровел и стукнул кулаком по перилам. — Вы в Красной армии служите или в церковноприходской школе учитесь? Мистику развели! Опиум для народа в чистом виде! Воды в кожух залить поленились, ствол жарой и повело, а вы на нечистую силу валите! Обоих под трибунал: одного за халатность, другого за суеверие!

— Помолчи, Батурин, — негромко сказал Чапаев, не оборачиваясь. — Ствол без воды красным накаляется, а не в бараний рог закручивается. Ты видал, чтоб от жары железо узлом вязалось? Вот съезжу, погляжу сам. Ежели воды в кожухе и вправду не было, я первый под трибунал пойду. А ежели была, ты, комиссар, перед бойцами извинишься. Вслух и по уставу.

Чапаев взлетел в седло и обернулся к Батурину:

— Ты, комиссар, в штабе сиди. Гарнизон в кулак собери, на колокольню «Максим» затащи, посты там удвой. Ежели пальба начнется — сюда не лезь, держи переправу.

— Осторожнее, Василий Иванович, — хмуро бросил Батурин, глядя на дым за оврагом. — Не ровен час, белогвардейская хитрость. Провокация.

— Разберемся, чья хитрость, — осклабился начдив. — Рысью, за мной!

Копыта выбили дробь по выжженной земле. Разъезд из полутора десятков отборных конников с Чапаевым и Петькой выскочил за околицу, огибая глинобитные мазанки и саманные заборы. Следом, громыхая осями на рытвинах, шла тачанка. Ездовой осаживал упряжку, чтобы кони не обогнали кавалеристов, а пулеметчик сзади держался обеими руками за щит «Максима».

Через две сотни саженей показался овраг. На краю яра чернел брошенный окопчик выносного секрета.

Чапаев осадил коня и поднял руку:

— Стой. Троим спешиться. Оглядеться.

Петька первым соскочил на землю, перекинул повод на локоть и шагнул к брустверу. Под ногами хрустнул песок вперемешку с брезентовой лентой, из которой тускло желтели нестреляные патроны. На дне окопа на колесном станке Соколова стоял «Максим».

Вернее, то, что от него осталось.

— Крендель, — выдавил Петька, остолбенев. — Пулеметный. Только с водой и с патронами.

Чапаев сошел с седла и присел на корточки.

Кожух водяного охлаждения вместе со стволом был выгнут дугой, но не изломан, а стиснут, будто невидимыми гигантскими клещами. Вода вытекла в песок темным шипящим пятном. Ни следов кувалды, ни копоти от взрыва патронов. Металл у запирающего узла скрутило жгутом. Воды в кожухе налили до краев, значит, Батурин был не прав. Радости от этого Чапаев не испытал: выходило, что лешак все-таки настоящий.

— Мать честная… — выдохнул ездовой, стянув фуражку и забыв перекреститься. — Это ж какая сила так железо гнет? Парой лошадей не свернешь…

Чапаев провел пальцем по холодной стали ствола. Чутье окопника, прошедшего осаду Перемышля, подсказывало: никакой динамит не калечит оружейную сталь так гладко и не рвет при этом патронник в клочья.

— Патроны не рвались, — отрезал он и поднялся. Глаза сузились. — Руками это не сделаешь. И пушкой не выбьешь. В седла. Идем тихо. Без команды не палить, шашки не обнажать.

Отряд поднялся на песчаную гряду, откуда открывался спуск к бахче.

Степной зной мешался здесь с едким запахом паленого металла и приторным духом десятков раздавленных арбузов. Поперек поля тянулась черная борозда в полтора аршина глубиной, еще курившаяся гарью.

А посреди измятых плетей и полосатых зеленых шаров высилась гигантская белая громада.

Корабль застыл. Плавник торчал над бахчой, как врытый столб, а задранные кверху плоскости напомнили Чапаеву стрекозу, подбитую на лету. Обшивку покрывали полосы нагара, кое-где висели хлопья оплавленной защиты, но сама громада дышала холодной, нездешней мощью.

Кони захрапели, пятясь и захлебываясь пеной. Всадникам стоило труда удержать их.

— Батюшки… — прошептал Петька, положив ладонь на наган. — Василий Иванович, это ж никак ковчег? Или аэроплан чужой конструкции?

— Цыц, — процедил Чапаев, не отрывая взгляда от носа чудовища. — У ковчега трап к воде, а у этого арбузы под брюхом.

Только теперь он заметил, что у подножия опущенного трапа, в тени под брюхом корабля, давно стоит неподвижная фигура.

Чапаеву она показалась вытесанной из цельного куска антрацита, на добрую голову выше любого рослого казака. Черная броня, в которой тонули солнечные лучи. Тяжелый плащ, не шевелившийся даже на горячем ветру.

И лицо. Вместо лица на отряд смотрела мертвая, геометрически выверенная маска из черного металла с пустыми глазницами и решетчатым клином дыхательного аппарата.

За свои тридцать два года Чапаев повидал немало, но три своих Георгия получил за змеев помельче.

В полуденном зное, заглушая звон кузнечиков, раздался нечеловеческий механический звук, хриплый вдох и сухой шипящий выдох:

Кхх-пшш.

Кхх-пшш.

Исполин не двинулся с места. Он не делал резких движений и не поднимал оружия, но воздух вокруг него сгустился, как перед бурей. Гнедой под Чапаевым мелко задрожал, а по позвоночнику начдива пробежал колючий холод. Такие приметы он не любил и привык глушить их наглостью.

Он бросил повод Петьке, спрыгнул с седла и пошел вперед, не вынимая шашки из ножен, шагов на десять.

— Эй, железный! — крикнул он, остановившись и заложив большой палец за ремень. — Ты чьих будешь? Кто такой, откуда, по какому делу? Ты мне бахчу общественную помял, а арбузы, промежду прочим, не казенные, а трудовые! Документ предъявляй. А это на тебе что, противогаз? Немец, что ли? Я на германском хлора наглотался, сбрую эту знаю! Только газа тут нет, мил человек, не фронт. Снимай свою кастрюлю, дыши вольно, а то хрипишь, как кузнечные мехи!

Вейдер не помнил, когда в последний раз его спрашивали, кто он такой. Обычно хватало того, что он входил.

Черная маска с едва слышным шорохом сервоприводов повернулась в его сторону. Нагрудная панель мигнула синими индикаторами. Слова чужого языка передатчик собрал из обрывков речи, пойманных за час на земле, а недостающее Вейдер брал Силой прямо из мыслей дикаря.

Бас вокодера ударил по барабанным перепонкам:

— Ты задаешь вопросы мне? Дерзость. Перед тобой лорд Вейдер, Верховный главнокомандующий Галактической Империи. Склонись, или твой мир познает гнев Императора.

Петька вздрогнул и вытаращил глаза:

— Василий Иванович… рот не разевает, а из грудины басит… точно граммофон на покойнике заиграл!

Чапаев насмешливо прищурился из-под козырька:

— Императора? Да ты, ваше бродь, никак золотопогонник? Только опоздал ты: мы царя-кровопивца трудового народа давно пинком скинули. Так что ты бы лучше…

Договорить ему не дали. Вейдер поднял руку в черной перчатке и согнул пальцы полукругом:

— Твоя вера в восстание черни ничтожна. Я покажу силу, перед которой бессильны ваши законы.

Воздух в горле Чапаева встал колом. Невидимая удавка сжалась вокруг кадыка. Пальцы метнулись к расстегнутому вороту, но скребли лишь взмокшую кожу да пустоту.

Секунда, и сапоги начдива оторвались от земли.

Под испуганный вскрик Петьки невидимая хватка подняла Василия Ивановича и подтащила вперед. Он повис в полушаге от черной громады, вровень с полированной маской.

Из решетки вокодера мерно шипело дыхание:

Кхх-пшш.

Кхх-пшш.

Они смотрели глаза в глаза. Из черных линз веяло холодом, как из заброшенного колодца. Лицо Чапаева налилось кровью, жилы на висках вздулись, усы ощетинились, но в глазах не было мольбы, только волжская злость.

— Склонись, — ровно потребовал вокодер.

Чапаев оскалился. Ноги беспомощно висели в воздухе, пальцы сводило, но он протолкнул сквозь сдавленное горло клокочущий хрип и выплюнул слова прямо в черную решетку шлема:

— Склонись?… Руки коротки, твое благородие!… Слушай сюда, контра заморская… Перед тобой начальник Двадцать пятой стрелковой дивизии… Рабоче-крестьянской Красной армии… кавалер ордена Красного Знамени… подпрапорщик старой службы… Василий Ива-

нович Чапаев! Нас на германском хлором травили, а тут чучело огородное пугать вздумало… Всю Россию… не передушите!…

Черные линзы на миг дрогнули. Под маской Вейдер ощутил нечто неслыханное: смертный под удушьем не молил и не сходил с ума от паники, а намертво уперся волей, какая встречалась ему разве что у джедаев.

— Василий Иванович! — в отчаянии заорал Петька.

Щелкнул курок. Ординарец вскинул наган и нажал на спуск.

Выстрел хлестнул над бахчой. Пуля шла точно в решетку маски.

Вейдеру пришлось среагировать. Его свободная рука метнулась навстречу, невидимый щит сгустился, пуля сплющилась в лепешку и замерла в вершке от шлема. Но это крошечное разделение внимания оказалось решающим.

В ту же долю секунды Чапаев ударил в ответ всей своей злостью. Воля начдива хлестнула по невидимой хватке, как короткое замыкание по оголенному проводу. Вейдер под маской ощутил ментальный ожог и на миг снова лежал на берегу огненной реки Мустафара. Пальцы рефлекторно разжались. Невидимая петля лопнула.

Чапаев рухнул на суглинок, спружинил на колено и поднял сапогами фонтан пыли.

Сдавленное горло со свистом втянуло воздух. Он сплюнул кровянистую слюну на расколотый арбуз и тут же вскочил, заслоняя собой Петьку. Правая рука слитным движением рванула эфес. Сталь вышла из ножен со свистом. Чапаев встал в полуоборот, держа шашку в боевой стойке:

— Хватки твои офицерские брось!… На земле стоим — значит, наш верх! Петька, назад!

Петька, привалившись спиной к колесу тачанки, мутным взглядом окинул черную тушу:

— Василий Иванович… Да он же заколочен наглухо. Чистый гроб на ножках. Как его пластать-то?

— Гробы тоже вскрывают, Петька, — не оборачиваясь, процедил Чапаев с недобрым прищуром. — Ежели хоронить сразу в броне, похоронной команде меньше возни. Землей присыпал, и ладно.

Вейдер медленно опустил руку. Смятая пуля стукнула в пыль у его сапога. Черный шлем чуть наклонился, разглядывая узкую полосу стали. За маской сухо шипело дыхание, и затем раздался металлический бас, полный брезгливого превосходства:

— Ты берешься за примитивное железо, дикарь. Твоя сталь бессильна против мощи Империи. Ты проиграл в ту секунду, когда обнажил клинок.

Рука ситха легла на рукоять у пояса. Цилиндр с щелчком сорвался с зажима. Вейдер вынес руку вперед, вдавил клавишу, и с шипением — вшшш-хииинь — вырвался длинный красный луч. Запахло грозой.

Петька за тачанкой присвистнул:

— Гляди-ка… Автогеном махать вздумал. Василий Иванович, он тебя пополам пережарит, даже на шашлык не останется!

Чапаев оскалился под усом:

— Не каркай. Зато культю прижигать не надо, сразу припечет. А тому, кто в жестяной коробке, под такой жаровней самое то вариться. В собственном соку дойдет, как консерва. Ну, давай, твое благородие. Подходи, ковырни пролетария!

Вейдер, не сходя с места, обрушил клинок сверху вниз.

И воздух дрогнул. Из самой груди начдива поднялась злость, та самая, что поднимала полки в атаку. По шашке пробежала искра, и клинок охватило красное пламя.

Вместо шипения разрезаемой плоти над бахчой грохнуло, как из трехдюймовки. Искры брызнули во все стороны и разметали траву. Световой меч со скрежетом уперся в пылающую златоустовскую сталь.

— Василий Иванович! — заорал из-за тачанки Петька, выпучив глаза. — Шашка-то у тебя кумачом зажглась! Чисто знамя на Первомай!

Сервоприводы в плечах Вейдера взвыли от неожиданного сопротивления. Ситх уперся в чужую силу, как в стену.

Чапаев и сам не понял, откуда это взялось. Шашка в руках потяжелела и раскалилась, будто он держал вытащенный из горна прут, но ладони не жгло. Удивляться он решил потом, вместе с поминками, если доживет.

Чапаев держал удар обеими руками, оскалив зубы:

— Что, не берет твой примус мужицкую сталь?! Златоустовская ковка, контра! Ее народ ковал, не для того чтоб ты ее плавил!

Одним движением он отвел световой клинок в сторону и крутанул шашку, метя в блок жизнеобеспечения на груди ситха. Вейдер парировал, плазма со звоном отбила сталь. Ситх перехватил рукоять двумя руками и обрушил серию тяжелых ударов в стиле Джем Со: рубящий справа, косой перехват, выпад в горло.

Над бахчой стоял вой и свист. Чапаев не уступал ни пяди. Он кружился на полусогнутых, уходил из-под выпадов скользящими шагами старого пластуна и встречал каждый удар плазмы полыхающей шашкой. Сталь звенела, искры сыпались дождем и превращали полосатые корки арбузов в золу. Сцепившись клинками, начдив навалился плечом, сбил траекторию меча, пружинисто отскочил назад и крутанул оружие лихой «восьмеркой».

Вейдер замер. Алый луч опустился к земле. Холодный расчет боролся в нем с замешательством: такую разрушительную силу нельзя было уничтожать, ее следовало подчинить Трону.

Вокодер щелкнул:

— Ты слеп, командир, но в тебе течет Сила. Ты тратишь ее на бессмысленный бунт в забытой пыли. Служи мне. Я сделаю тебя Инквизитором Империи. Ты получишь легионы, власть и право карать непокорные миры именем закона.

Чапаев смачно сплюнул под ноги исполину, отер усы рукавом и покачал головой:

— Инквизитором? Нет уж, ваше благородие. Не по адресу заехал. Я попов с детства на дух не переношу, ни православных со звонарнями, ни ваших заморских в черных балахонах. Вы на кострах людей живьем коптили да еретиков вынюхивали, а мы за свободу трудящихся кровь проливаем. Так что поповскую должность оставь себе, грехи замаливать.

Он смерил взглядом могучую фигуру, прищурился по-хозяйски и шагнул ближе, уперев свободную руку в бок:

— А вот ты, я погляжу, мужик справный. Стать богатырская, в плечах косая сажень, воевать умеешь, с железом ладишь. И вот чего я в толк не возьму: император-то тебе кто? Отец родной? Али хозяин? Лето к концу, в степи за тридцать в тени, а ты в печную заслонку закован, пыхтишь, как неисправный самовар на станции Покровск!

Кхх-пшш.

Кхх-пшш.

— Тебя ж кондрашка хватит от теплового удара! В такой парилке мозги в черепушке спекутся, одни щи в каске останутся. Бросай ты это барское ярмо, лорд. Давай к нам! Пойдешь ко мне в дивизию командиром бронеотряда. Технику твою летающую на учет в реввоенсовет поставим, керосином обеспечим. Будешь первым человеком после комиссара!

Петька высунулся из-за колеса:

— И на довольствие поставим! Паек выделим, пшено и сало!

— Погоди ты с салом, Петька, у него рот железный, — отмахнулся начдив и снова уставился в маску. — А главное, твое лордство, у нас Советская власть! Закон! Декрет Совнаркома: восьмичасовой рабочий день! Слыхал про такое? Восемь часов отвоевал, и шабаш! Баня по

субботам, политграмота, отдых культурный. А ты небось у своего царя сутки напролет в этой жестянке корячишься, без отпуска и выходных? Трон ему полируешь, пока ноги не отвалятся?

В глубине шлема датчики зафиксировали резкий скачок пульса.

Слова о хозяине и о восьми часах взломали блоки, которые Вейдер десятилетиями возводил из ненависти и боли. На долю секунды сквозь Темную сторону проступило давнее: раскаленный песок Татуина, рабский чип в теле, вечный страх перед хозяином и несбыточная детская мечта о том, что рабство когда-нибудь кончится.

Это было забытое, живое чувство, и лорд ситхов его испугался. Он испугался тихой правды, которую сказал степной бунтарь.

Земля за спиной исполина мелко задрожала.

Из-под брюха корабля донесся нарастающий низкий гул: ионные двигатели ожили и подняли облако пыли. В шлеме Вейдера щелкнул комлинк, и бесстрастный голос бортового компьютера доложил, что калибровка резервного контура завершена и корабль к взлету готов.

Ситх погасил меч: с сухим хлопком багровый луч втянулся в рукоять.

Чапаев ловко крутанул клинок, с которого угасало алое свечение, и вогнал шашку в ножны.

Вейдер выпрямился. Когда вокодер заговорил вновь, в его рокоте осталась лишь ледяная дистанция:

— Твой мир заражен безумием, Чапаев. Но эта зараза не останется здесь. Император узнает о вас. И когда флот закроет ваше небо, твои декреты сгорят первыми.

Чапаев сдвинул фуражку на лоб и усмехнулся в усы:

— Пугать нас не надо. Мы в гробу всех ваших царей видали, в белых тапочках. Ты хозяину своему передай: пускай прилетает. У нас на Волге места много, всех господ под один корень пристроим, земли на всех хватит, по три аршина вглубь каждому отмерим. А ты про восемь часов подумай. Подумай, мил человек. Спину гнуть ума много не надо, а человеку воля положена.

Вейдер ответил не сразу. Дыхательный аппарат сыграл полный такт.

— Да пребудет с тобой… твой бунт, Чапаев. Пока он длится.

Он развернулся, плащ взметнул вихрь пыли, и тяжелой поступью Вейдер зашагал вверх по трапу.

Петька подбежал к командиру:

— Уходит, Василий Иванович!… Ей-богу, шашки твоей испугался да речей про профсоюз! А напоследок, никак, благословил?

— Не мели языком, Петька, — устало бросил Чапаев. Горло после удушья саднило. — Ничего он не испугался. Задумался просто. Мужик-то он, видать, бывалый, только в своих господах запутался крепко… А «пока он длится» — это не благословение, Петька, а срок. В окопах знали: когда вежливо обещают, следом идет артиллерия.

Над бахчой взревели ионные сопла. Закопченный белый челнок оторвался от земли и свечой ушел в зенит.

Чапаев украдкой оглядел шашку: сталь как сталь, холодная, ни следа кумача. Решил никому об этом не рассказывать, а то комиссар отправит в госпиталь, к тифозным.

Потом он долго смотрел в чистое небо, где таял инверсионный след, наконец сплюнул в пыль и махнул рукой в сторону тачанки:

— Ладно, Петька. Чудеса кончились, а служба осталась. Собирай пулеметчиков. Надо вернуться в Лбищенск, пока белоказаки переправу не перехватили. А про это дело, ежели спросят в штабе армии, скажем: английский аэроплан новой конструкции сбили. Меньше трепаться будут. По коням!

Петька оглянулся на раздавленные арбузы:

— Василий Иванович, добро ведь пропадает. Эдакую бахчу черт переехал.

— Подбирай. Только по описи, как трофей, взятый у противника.

К Лбищенску возвращались шагом. На тачанке под брезентом перекатывались три арбуза, взятые по описи. Чапаев ехал последним и то и дело оглядывался на небо: чистое, выцветшее, пустое. На германском он хорошо выучил, чем кончается такая тишина. Ему пообещали артиллерию, и она, как всякая артиллерия, не торопилась.

Глава 2. Почетный политрук 25-й дивизии

На далекой планете Дагоба, затерянной во Внешнем Кольце, стояла вечная вязкая духота.

Здесь, посреди гниющих топей, мшистых корней и ядовитых испарений, жил в добровольном изгнании старый гранд-магистр Ордена джедаев. Почти двадцать лет Йода не покидал глиняного шалаша, скрываясь от ищеек Императора и лорда Вейдера. Корабль он затопил в трясине, а дни проводил в безмолвных медитациях и слушал Великую Силу, что невидимой рекой текла сквозь туман, крики болотных ящеров и сырую листву. Вселенной правил мертвый холод Темной стороны.

Но в этот вечер двадцатилетнее затишье кончилось.

Йода сидел на замшелом бревне с закрытыми глазами и вдруг распахнул веки.

Сквозь ткань пространства-времени, через парсеки Неизведанных Регионов, до Дагобы докатилась ментальная волна небывалой мощи. Это не был тихий свет джедаев и не ледяной страх ситхов. Поток пульсировал сырой, горячей, неистовой энергией. Это была ярость, но не эгоистичная и злая, а могучая, праведная, спаянная из чаяний миллионов простых сердец. В Силе звенели клинки, пахло сухими степными травами, и откуда-то из-за края Галактики катилось металлическое эхо голоса Вейдера: «Да пребудет с тобой… твой бунт, Чапаев».

Имя прозвучало так отчетливо, будто ситх высек его световым мечом на коре дагобских деревьев. Темный лорд сошелся в поединке с этим новым диким источником и отступил.

Йода давно не слышал, чтобы ситх кому-нибудь желал «да пребудет». Это было либо издевательство, либо первое проявление совести за двадцать лет изгнания. Магистр поставил на второе и ошибся ровно наполовину.

Йода тяжело поднялся, опираясь на посох. Уши его напряженно вздрагивали.

— Странно это… Чапаев. Бунтовщик из неведомого мира. Разлом великий в равновесии чую я. Не тьма это и не свет. Сердца горячие, воля несокрушимая… Красная Сила? Вейдер там был. Подчинит источник этот Император или сокрушит, падет надежда последняя. Лететь должен я.

Риск был смертельным: любое движение могло выдать изгнанника инквизиторам. Но оставить без присмотра планету, где зародилась невиданная мощь, джедай не мог.

Он вытянул над топью маленькую трехпалую ладошку. Болото забурлило, и из жижи, роняя водоросли и комья грязи, с шипением поднялся на берег старый спасательный челнок. Силой очистив сопла и продув замшелые фильтры, магистр забрался в тесную рубку. Через минуту над болотами взревели застоявшиеся двигатели. Йода укутал корабль ментальным коконом скрытности, отводящим взгляд любого имперского радара, вышел на орбиту и прыгнул по координатам зова.

Дорога заняла почти неделю: гиперпривод, двадцать лет простоявший в болоте, капризничал на каждом переходе, и зов приходилось ловить заново. Всю эту неделю Йода слушал Силу, а в ней миллионы голосов чужой планеты. За девятьсот лет он выучил языков больше, чем помнил; этот, певучий и сердитый, дался ему за пять дней. Порядок слов, правда, остался свой.

У края разлома он почуял чужой маяк: кто-то держал дверь приоткрытой. Магистр счел это приглашением и вошел.

В полночной тишине челнок бесшумно опустился на песчаную косу у реки Урал, в густых зарослях тальника под Лбищенском: кокон скрытности глушил даже гул остывающих двигателей. Двое красноармейских часовых на заставе сладко зевнули: им почудилось, будто в кустах прошуршал камышовый кот невероятных размеров.

Наутро в купеческом доме, где стоял штаб 25-й стрелковой дивизии, шли обычные военные будни. Василий Иванович Чапаев, расстегнув ворот вылинявшей гимнастерки, склонился

над дубовым столом. С остывшим чаем в руке он хмуро буравил карту, исчерканную карандашными стрелами: казачьи сотни полковника Николая Бородина смыкали кольцо вокруг Лбищенска и готовились к удару. Но больше беляков начдива беспокоило небо. С той стычки на бахче прошла неделя, а он всё поминутно ждал, не заявится ли снова черт в железном ведре.

Половицы у порога скрипнули. Без стука, без окрика караульного.

Чапаев, не отрывая взгляда от карты, буркнул:

— Петька, черти тебя дери, где сводка из третьего батальона? Сколько раз повторять: дверь прикрывай, сквозняк гуляет!

Из полумрака сеней донеслось сухое скрипучее покашливание, похожее на хруст валежника под подковой:

— Сводки нет у меня. Мудрость принес я. Здравствуй, Чапаев. Сквозь парсеки имя твое Сила донесла.

Василий Иванович замер. Голос был незнакомый, дребезжащий, старческий и со странной перестановкой слов. Он медленно повернулся и привычно опустил ладонь на деревянную кобуру маузера.

На пороге, опираясь на узловатый посох, стояло диковинное существо ростом едва ли выше колена взрослого бойца. Замшело-зеленое, в бурой дерюге, с глубокими морщинами на челе и двумя огромными ушами, которые чутко подрагивали на сквозняке. Выпуклые глаза глядели на начдива с вековой печалью и лукавым прищуром.

Чапаев остолбенел. Кружка накренилась и плеснула коричневой струйкой на стопку неразобранных реввоенсоветовских циркуляров. Он поморгал, протер глаза кулаком, тряхнул головой и снова уставился на порог. Видение не растворилось, а лишь вежливо и с достоинством наклонило зеленую голову. Чапаев торопливо перебрал в памяти последнюю неделю: выходило, что пил один чай, и от этого становилось только обиднее.

— Это еще… что за гусь лапчатый? — на одном выдохе выговорил он, пятясь к столу. — Петька!

Дверь распахнулась, и в горницу влетел Петька с планшетом под мышкой.

— Василий Иванович, дозоры докладывают… — выпалил ординарец, поглядел под ноги и онемел. Планшет брякнулся на пол. — Батюшки светы… Это кто ж такой? Лешачонок? Домовой из подпола вылез от махорочного угара?

— Ты у меня сам сейчас в подпол полетишь, сказочник! — рявкнул Чапаев, обретая командный голос. — Часовые куда глядят?! Почему в расположении дивизии посторонние карлики бродят в таком несообразном революции виде?! Откуда фамилию мою проведал, дедушка? Ты чьих будешь? Из пленных австрияков? Или китайский доброволец?

Йода скорбно вздохнул, и кончики его ушей опустились:

— Не леший я. Не китаец. Йода зовут меня. Гранд-магистром Ордена джедаев был я. Из глубин космоса прибыл. Голос Вейдера в Силе слышал я: имя твое произнес он.

Чапаев подозрительно прищурился, обошел стол и встал вплотную. Нагнулся, уперев руки в колени, и демонстративно принюхался:

— Гранд-магистр?… Петька, слыхал? Опять масоны с меньшевиками мудрят. А одет как нищий с паперти. И зеленый весь… Ты, мил человек, часом не тифозный? Или медного купороса на складе нализался? Чего морда как огурец соленый?

— Родом с планеты далекой я, — невозмутимо проскрежетал Йода и постучал посохом о половицу. — Значения оболочка не имеет. По виду судить меня будешь? Толчок Силы великой в степи этой ощутил я. В тебе Сила, Чапаев. Но дикая она, яростная. Спала Сила в тебе. Разбудил ее Вейдер, тьмой своей. След скверны его чую я. Потому и огонь твой красный. Помни это. Над миром этим опасность нависла.

При имени Вейдера начдив выпрямился как пружина и хлопнул себя по галифе:

— Стой! Так ты из той же шайки, что и давешний черт в ведре с бахчи?! Только тот бугай был под сажень, а тебя будто через сепаратор дважды пропустили! Шпионить пришел? Где казаков прячешь?

Йода покачал головой, и уши забавно захлопали:

— Враг мне Вейдер. Тьме служит он. Гордыне, насилию, угнетению. А ты… Огонь чистый в тебе чую я. Но гнев со справедливостью путать нельзя. Разум очистить должен ты. Медитировать научу тебя я.

— Медитировать?! — у Чапаева перехватило дыхание от такого нахальства. — Ты кого учить вздумал, стручок замшелый?! Я на германском три Георгия выслужил, дивизию с нуля поднял, а ты мне про очистку разума басни плетешь?! У меня фронт горит, казаки переправу щупают, а я сяду посреди штаба на карачки и буду в пупок себе медитировать?!

Петька осторожно подобрал планшет и присел на корточки рядом с Йодой.

— Слышь, дедушка… А летать ты умеешь? Или, может, золото из булыжников делать на нужды революции?

Йода прикрыл веки. Жестяная кружка с недопитым чаем вздрогнула, плавно оторвалась от стола и, не пролив ни капли, переплыла через всю комнату. Она опустилась точно в раскрытую ладонь Петьки.

Ординарец шлепнулся задом на пол:

— Ой, мамочки… Василий Иванович! Гляди! Сама летит! Без веревочки!

Бывший штабс-капитан, Петька знал слово «левитация», но вслух его не произнес: Чапаев не любил, когда его поправляют. «Без веревочки» было надежнее.

Чапаев крякнул, подошел, постучал по кружке ногтем, заглянул под дно и с уважением посмотрел на карлика. Тот кумач на собственной шашке вспомнился сам собой, но вслух поминать его Чапаев не стал: удивляться при подчиненных дважды за неделю было не по чину.

— Ловко. Фокус ярмарочный, но чистый. Митрич у нас в кузнице по пьяному делу тоже ухватом чудеса вытворяет. Но летающей посудой сыт не будешь. Ты прямо отвечай, товарищ Йода: против кого воюешь? Против царей и империалистов стоишь или за мироедов подрядился?

— За жизнь стою я. Против тирании Империи, — твердо ответил старый джедай.

Чапаев с решением не спешил. Он отошел к окну, поглядел на площадь, где караульный лениво гонял от коновязи чужую козу, и крепко задумался.

Страха не было, и это настораживало больше всего. Возле железного черта на бахче по хребту шел холод, а от зеленого старика тянуло теплом, как от старого пасечника под Балаковом, который заговаривал пчел. Пасечника в селе побаивались, а мед брали все.

С другой стороны, шпионов Чапаев на германском навидался. Те были гладкие, говорили чисто и глядели в глаза честно. Этот говорил задом наперед, смотрел печально и одет был так, что ни одна разведка в мире на такое бы не решилась. Для шпиона выходило слишком глупо, а значит, могло оказаться правдой.

— Погоди, — Чапаев обернулся. — Проверим по-нашему. Земля у тебя есть? Батраков держишь?

— Шалаш на болоте есть у меня. Батраков нет. Ящерицы только.

— Ящериц можно, — разрешил начдив. — Ящерица не эксплуатируемый элемент. Петька, запиши: бедняк.

Йода, впервые за девятьсот лет записанный в бедняки, с достоинством кивнул.

— Василий Иванович, — зашептал Петька, — а в штабе армии что скажем? Лицо-то у него… не по уставу.

— Скажем: нацмен. У нас декларация прав народов, всякая нация самоопределиться может. Ты какой нации будешь, дед?

— Названия у народа моего нет. Мало нас осталось.

— Вот! — Чапаев поднял палец. — Малочисленный народ. Таких особо беречь велено. Кто его обидит, тот против Ленина пошел.

Чапаев помолчал, лихо крутанул ус и махнул рукой:

— Ладно. Коли супротив империй, наш человек. В Красной армии всякому народу приют есть: и латышам, и башкирам, и тебе, лопоухому. Будешь пока при штабе состоять на правах почетного политрука. На довольствие поставим: полпайки хлеба и кашу. Только бойцам мозги своей медитацией не суши без моего приказу. Петька!

— Я, Василий Иванович! — вскочил ординарец.

— Скажи Анке, пусть картошки чугунок сварит да чаю со смородиновым листом заварит. Гостя с дороги покормить надо. А то глядеть больно: худой, зеленый, ветром с коня сдует. Да найдите шинель старую, пусть каптенармус обрежет да перешьет ему на пальтецо, а то ходит в рогоже, как беспризорник.

Йода тихонько хмыкнул, сморщив нос:

— Сердце доброе под суровой броней прячешь ты, Чапаев. Но упрям ты… Ох, упрям.

— Какое есть, другого партия не выдала! — усмехнулся начдив. — Давай, дедушка, присаживайся. Сейчас картошку принесут, будем тебя нашей классовой тактике учить!

В дверь просунулся Батурин с папкой под мышкой и замер. Неделю назад он обещал бойцам трибунал за лешего, а теперь леший сидел в штабе на краю лавки и глядел на него с вежливым интересом.

— Василий Иванович, — выговорил комиссар после паузы, — по какому штатному расписанию зачислен… этот товарищ?

— По особому, — отрезал Чапаев. — Ты на прошлой неделе за лешего под трибунал грозился? Вот тебе леший, принимай по описи.

Батурин раскрыл папку и занес карандаш над бланком:

— Социальное происхождение?

— Болото, — сказал Йода.

Комиссар записал: «из крестьян-болотников» — и вышел, не прощаясь. Из сеней донеслось сдавленное: «Переутомление… это просто переутомление…»

Спустя полчаса Петька действительно вернулся, бережно неся пышущий паром чугунок с картошкой в мундире и зеленым луком. Но до мирного чаепития дело не дошло: с порога ординарец огорошил штаб донесением от передовых разъездов.

— Василий Иванович, казаки полковника Бородина из плавней выходят! Три сотни конных, офицерская рота и легкая батарея. Хотят нас к реке прижать, переправу отрезать!

Чапаев мгновенно оживился, сдвинул бумаги и высыпал картошку прямо на карту. Академий он не кончал, ход боя чувствовал кожей, и картошка у него на карте лежала не впервые. Он подхватил самый крупный узловатый клубень и подул на пальцы:

— Ну-ка, товарищ Йода, гляди сюда! Философия твоя дело хорошее, но на голодный желудок не воюют. Эта крупная картофелина — я, на гнедом, с конным отрядом! А вот эта мелочь — казачьи сотни и цепи белых. Мы их в лоб свяжем, а с фланга пулеметами прижмем. Понял тактику?

Йода покачал головой и постучал посохом по краю стола:

— Картошка… Тактику в ней видишь ты. Иллюзия это. Не картошку видеть должен ты, а Силу, что всё живое связывает. Разум очисти. Клинок твой вести Силе позволь, а не злости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.